

Philharmonic Society, 3rd concert. Rus[skoye] Slovo. 1913, December 15 no. 289, p. 8.
Филармоническое общество. 3-й концерт. Рус. слово. 1913.15 (28) декабря, № 289. С. 8.
Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 492

The concert that took place yesterday was, in theory, like the first one, dedicated to the memory of Tchaikovsky on the occasion of the twentieth anniversary of his death.

The main pieces on the program were the 4th Symphony and the theme and variations from the 3rd Suite.

Sergei Rachmaninoff conducted the symphony, a composer who holds this symphony in high regard. His usual astonishing command of the orchestra was evident throughout the performance, as he sought to reveal the score's most subtle beauties as vividly and clearly as possible, ensuring they resonated with the greatest possible conviction. Naturally, this intention somewhat skewed the conductor's directness toward a certain academicism, a necessary accompaniment to even the most passionate presentation. The result was a greater calm and a somewhat slower tempo, particularly in the first movement, compared to Rachmaninoff's performance of this symphony last season.

The performance of the scherzo, however, caused a storm of delight and persistent demands for a repetition.

The finale was unusually vivid, and it was precisely this vividness that made Tchaikovsky's "sin"—the sin of the impossible mixture of Oberon-Weber styles with the sour-sorrowful Russian—stand out even more clearly; even more alien, but in no way contrasting with each other, were the Western European formulaic, brilliant violin movements of the opening bars, the "ultra-German" rhythm of the first theme, and the purely Russian "In the field stood a birch tree."

But the performance of the theme and variations was exceptionally spiritual and beautiful. The conductor achieved a virtuosity of orchestral performance that is accessible only to the pianist on the piano, and the entire composition attracted the most enthusiastic attention, from the first presentation of the theme to the brilliant final polonaise.

S. V. Rachmaninoff's success was enormous, and at the end he was given the most sincere and warm ovation.

The next touring soloist was the king of modern cellists, Pablo Casals, who, with his usual rigour of a brilliant artist, made us listen to Saint-Saëns's much-played A minor concerto as if it were something new.

As his encore, Casals, as usual, played solo, unaccompanied, the immortal works of the ever-living Bach, transporting the entire hall into a single, undivided burst of rapture—a rapture that, even the most meticulous analysis cannot yet discover in performances of works by modern composers, renowned for their destruction of the old foundations of art, but not for the creation of anything new, worthy of comparison with the old, eternally living, eternally beautiful, and eternally dear to all humanity works. And how painful and funny it is to hear and see the "newest" "donkey-tail-ego-Cubist-violent-futurism," striving, without yet offering anything worthy in return, to pelt Bach and Beethoven, Praxiteles and Phidias, Raphael and Titian with clods of its own, self-imposed mediocrity...

And if Turgenev was a thousand times right when he said that the Venus de Milo is more irrefutable than any principles of known times, then with the same justice one can, listening to the monophonic melody of Bach performed by Casals, clearly realize the hopelessness

and destitution of the dead end into which the bats and owls of the latest false prophets are vainly trying to drive the world. Sakhnovsky Yu.

[Translation: Google]

Состоявшийся вчера концерт являлся, по идее, как бы снова, подобно первому, посвященным памяти Чайковского по случаю двадцатилетия со дня его смерти. Главными номерами программы стояли 4-я симфония и тема с вариациями из 3-й сюиты.

Дирижировал С. В. Рахманинов, который особенно любит и ценит эту симфонию, почему в его обычном поразительном обладании оркестром явно чувствовалась во все время исполнения тенденция как можно ярче и яснее раскрыть все мельчайшие красоты парти-туры и заставить прозвучать их с наибольшей убедительностью для слушателей. Естественно, что таковое намерение должно было несколько отклонить непосредственность дирижерского творчества в сторону известной академичности, как необходимой спутницы даже самого горячего доклада. Следствием этого явилось большее спокойствие и некоторая замедленность темпов, особенно в 1-й части, сравнительно с исполнением этой же симфонии С. В. Рахманиновым в прошлом сезоне.

Исполнение скерцо, однако, вызвало бурю восторгов и настойчивые требования повторения.

Необычайно ярко прошел финал, и именно от этой яркости еще рельефнее выступил «грех» Чайковского, грех невозможного смешения стилей обероно-веберовского с кисло-щейно-русским; еще более чуждыми, но никак не контрастирующими друг другу оказались западноевропейский шаблонный, блестящий ход скрипок начальных тактов, «ультранемецкий» ритм 1-й темы и чисто русская «Во поле береза стояла». Зато исполнение темы с вариациями было на редкость одухотворенно-прекрасным. Дирижер достиг виртуозности оркестрового исполнения, какое доступно только пианисту на фортепиано, и все сочинение приковало к себе самое восторженное внимание, от первого изложения темы до блестящего финального полонеза. Успех С. В. Рахманинова был огромный, и по окончании ему была устроена самая искренняя и горячая овация.

Очередным солистом-гастролером был король со-временных виолончелистов Пабло Казальс, с обычной для него непреложностью гениального артиста заставивший прослушать, как нечто новое, до смерти заигранный концерт a-moll Сен-Санса. На бис Казальс, по обыкновению, играл solo без аккомпанемента бессмертные творения вечно живого Баха, приводя весь зал в один нераздельный порыв восторга, того восторга, которого пока что, при самом дотошном анализе, не открыть при исполнении произведений новейших композиторов, славных пока разрушением старых основ искусства, но отнюдь не созиданием чего-либо нового, достойного быть сопоставленным со старыми, вечно живыми, вечно прекрасными и вечно доро-гими всему человечеству произведениями. И как больно и смешно слышать и видеть «новейший» «осло-хвост-эго-кубо-буйно-футуризм», старающийся, ничего достойного взамен пока не давая, забросать комьями грязи собственной, само-мнимой бездарности Баха и Бетховена, Праксителя и Фидия, Рафаэля и Тициана...

И если тысячу раз был прав Тургенев, сказав, что Венера Милосская неопровержимее всяких принципов известных годов, то с тою же справедливостью можно, слушая одnogолосную мелодию Баха в исполнении Казальса, ясно сознать беспросветность и безвыходность тупика, в который тщетно пытаются загнать мир нетопыри и совы новейших лжепророков.